

Волынец, Т. Н.: *Грамматический феномен причастия*. Белорусский государственный университет, Минск, 1998, 138 с. (ISBN 985-445-017-1)

Причастия относятся к т. наз. атрибутивным формам глагола. По морфологическим значениям и по образованию они противостоят предикативным формам глагола. Причастия совмещают в себе значения двух частей речи – глагола и прилагательного (т. е. значения действия и собственно определительное). Эти формы глагола объединены с предикативными формами и вместе образуют глагольную парадигму. По своим морфологическим характеристикам причастия отличаются от спрягаемых форм глагола: они изменяются по адъективному склонению. Несмотря на то, что по законам языка атрибутивные формы могут быть образованы от любого глагола, эта возможность не реализуется с той регулярностью и формальным единообразием, которые характерны для спрягаемых форм в пределах одного словоизменительного класса: возможности образования причастий определяются морфологическими и семантическими особенностями конкретных глаголов.

Своеобразие системы причастных форм в русском языке неоднократно привлекало к себе внимание исследователей. Интерес к причастиям постоянно поддерживался неопределенностью и расплывчатостью их грамматических характеристик, возможностью актуализации то глагольных, то атрибутивных свойств причастных словоформ в зависимости от ситуации употребления. В процессе исторического развития обозначался целый комплекс проблем, связанных с формальными, синтаксическими и семантическими свойствами причастий, атрибутивно-предикативный характер которых способствовал появлению в лингвистической литературе различных точек зрения на грамматическую природу и место причастных форм в грамматической системе языка, на условия их образования, особенности функционирования, переход в другие части речи и степень ориентированности в сторону глагольных или именных форм.

В настоящей монографии представлено общее описание формальных и семантических отношений между причастиями и предикативными формами глаголов. Предметом исследования являются конкретные трансформации *«причастие > предикативная форма глагола»*, на уровне которых выявляется степень грамматического и семантического соответствия причастных форм и замещающих их языковых единиц. Осуществляется перевод действия из адъективной репрезентации в предикативную. Трансформационные преобразования причастных форм анализируются на уровне текста. Материал для исследования выбирался из оригинальных произведений русской литературы XIX–XX вв., современных публицистических, научных, научно-популярных и общественно-политических изданий. Кроме того, привлекались данные толковых словарей и толково-грамматического словаря И. К. Сазоновой (*«Русский глагол и его причастные формы»*, Москва, 1989).

В *«Введении»* (с. 3–14) дается обзор различных точек зрения на причастия, как они встречались на протяжении исторического развития в работах лингвистов-представителей отечественного языкознания. В настоящее время с развитием идей семантического синтаксиса, с появлением теории «глубинных» и «поверхностных» структур, с созданием лингвистической теории текста и имплицитной грамматики русского языка стало больше внимания уделяться коммуникативной значимости причастий, их способности заключать в себе в свернутом виде предикативную пропозицию. Автор нас подробно знакомит с тем, как она приступала к анализу трансформаций

«причастие > предикативная форма глагола». Основным критерием семантической эквивалентности структур она считает возможность осуществления трансформации при условии сохранения главного элемента значения исходной конструкции и грамматической // стилистической правильности целевого трансформанта. Любая грамматическая или стилистическая неправильность в конструкции-трансформанте, любое смещение семантических акцентов рассматриваются как моменты, запрещающие трансформацию (см. с. 13–14).

Трансформационные преобразования синтаксических конструкций с причастными формами объективно существуют в реальной речи и служат одним из средств организации контекста. Эти вопросы рассматриваются в первой главе («Трансформационные возможности причастных конструкций и форм», с. 15–35). Сначала уделяется внимание синтаксическим эквивалентам этих выражений. Самым частотным аналогом (но не единственно возможным) считается придаточное определительное предложение с союзным словом *который* (ср. *солнце, освещающее землю > солнце, которое освещает землю*). Затем дается классификация причастных форм в зависимости от их трансформационных возможностей. Возможности трансформационной замены причастных оборотов реализуются в зависимости от условий употребления и функциональной нагрузки причастных форм. Автор описывает случаи, когда возможно и когда невозможно их развертывание в предикативную позицию.

Отдельные черты трансформационных отношений, устанавливаемых между причастиями и предикативными формами глаголов анализируются во второй главе («Особенности трансформационных замен «причастие > предикативная форма глагола», с. 36–96). При широком понимании функциональной грамматики данные системы могут быть представлены как функционально-семантические парадигмы. В рамках функционально-семантических парадигм выявляется трансформационный потенциал причастных форм и отражается их реальное семантическое и грамматическое содержание. В зависимости от степени формально-семантического соответствия причастной формы предикативной форме глагола все возможные типы трансформационных замен характеризуются в работе как стандартные (предполагающие свободное преобразование причастной формы в семантически и грамматически соотносительную форму глагола – ср. *закрывающий > закрывает, игравший > играл*) и нестандартные (при которых эксплицируются вторичные «системоприобретенные» видовые, залоговые, временные и модальные значения причастий и обнаруживаются потенциальные возможности причастных форм, их способность изменять свое семантическое и грамматическое содержание, приспосабливая его к условиям контекста – ср. *Ворытынец искал резервы, подошедшие части... > Ворытынец искал резервы, части, которые /уже/ должны были подойти...*).

Третья глава («Трансформационный потенциал причастных форм: проблема его реализации и интерпретации», с. 97–117) посвящена сравнительной характеристике особенностей трансформационного потенциала систем причастных форм и выделению места причастий в грамматической системе русского языка. Автор тут подчеркивает, что нестандартность категориального содержания в каждой системе причастных форм проявляется по-своему. Разбираются также внутренние изменения в лексико-грамматической структуре всех типов причастий. Из приведенных в данной главе примеров можно прийти к выводу, что разрушение грамматической и семантической соотносительности причастий с образующими глаголами, чаще всего

naблюдается в публицистических и литературно-художественных текстах. В текстах научного стиля категориальное содержание причастий отличается относительной устойчивостью, так как причастные обороты в научных текстах обычно используются в своих прямых системообразующих значениях. В литературно-художественных текстах трансформационные возможности расширяются или, наоборот, сужаются в зависимости от общего характера текста и особенностей стиля автора и выбора их языковых средств.

Что касается причастий в грамматической системе русского языка, автор обсуждаемой работы рассматривает их как самостоятельные производные лексемы со значением процессуально-качественного признака, возникшие из глаголов в результате синтаксической деривации; их целью является сохранение основных компонентов значения знака и его приспособления для выражения другой синтаксической функции (см. с. 117).

Следует «*Заключение*» (с. 118–120), в котором подытоживаются результаты проведенных автором исследований по поводу грамматического феномена причастия; он заключается в характере семантической и грамматической структуры его форм, которая представляет собой хорошо организованную систему. Она состоит из различного типа лексических и грамматических сем, способных актуализироваться и погашаться в определенных коммуникативных ситуациях. Практически в языковой системе причастия выполняют роль конденсаторов семантической и грамматической информации, для выражения которой могут быть использованы различные языковые средства (ср. с. 118).

Вслед за тем помещены список источников, служащих для получения материала («*Источники исследуемого материала*», с. 121–122), список лингвистической литературы по исследуемой проблематике («*Литература*», 123–137) и содержание («*Оглавление*», с. 138).

В заключении нашей рецензии можно сказать, что предлагаемая монография базируется на серьезных исследованиях, сделанных на основании собранного богатого материала. Она может числиться вкладом в изучение функционирования причастных оборотов и их трансформационных замен в современной русской речи.

Алеш Бранднер

Hansack, Ernst: Die altrussische Version des „Jüdischen Krieges“. Untersuchungen zur Integration der Namen. (SLAVICA, Monographien, Hand-, Lehr- und Wörterbücher, Band 1, Hrsg. von Klaus Trost). Universitätsverlag C. Winter, Heidelberg 1999, 560 s. (ISBN 3-8253-0888-X).

Recenzované dílo je knižní podobou habilitačního spisu, který byl obhájen jeho autorem, německým slavistou E. Hansackem, na půdě univerzity v Řezně. Navazuje na řadu prací, které v průběhu mnoha desetiletí z různých úhlů pohledu zkoumaly jedno z nejznámějších děl vzniklých v období starověku. Jeho tvůrce Titus Josephus Flavius, původním jménem Josef, syn Mattitjahův (J. ben Mattitjahu), se, jak známo, narodil v prvních letech vlády císaře Caliguly, tedy asi v r. 37 nebo 38 n. l. (zemřel kolem r. 100). Jako židovskému aristokratovi se mu dostalo jeho stavu přiměřeného vzdělání. Znalec římské kultury i vojenství, stal se v r. 66 velitelem židovského